

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Ждановой Юлии Владимировны «Политическая лексика в словаре и экспериментальном исследовании (на материале лексем ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治 в русском и японском языках) (Пермь, 2024), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертационное сочинение Юлии Владимировны Ждановой выполнено в рамках особого направления современного языкознания – политической лингвистики, возникшей на пересечении двух наук — политологии и лингвистики, имеющей целью установление взаимоотношений между языком, мышлением, политической коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Диссертант обращается к изучению содержания и структуры значения ключевых лексем политического дискурса: ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治. Данные понятия относятся к базовым ценностно-мировоззренческим доминантам политического сознания и гражданского самосознания, требуют всестороннего изучения. Диссертант проводит лексикографическое и психолингвистическое исследование этих лексем на материале русского и японского языков. Мне представляется, что уже само обращение к комплексному изучению актуализации лексического и психолингвистического значений в словарях и сознании носителей двух типологически разных языков обуславливает **актуальность** диссертации Ю.В. Ждановой, которая состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений, которые содержат данные ассоциативного эксперимента. Работа является междисциплинарной и выполнена в рамках лексикографического, антропоцентрического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Научная новизна работы заключается в комплексном междисциплинарном подходе к анализу сходств и отличий в структуре и наполнении семантических полей трех русских и трех аналогичных японских ключевых лексем политической сферы у русских и японцев. Автору удалось провести тщательный анализ и **впервые** смоделировать концептуальные поля «власть», «государство», «политика» на основе взаимодействия выявленных ядерной, предъядерной и периферийной зон в каждом поле, тем самым представить смысловое содержание изучаемых концептов в русском и японском сознании, проследить динамику расширения этих концептов. В этом я вижу основной значимый результат работы.

Несомненна **методологическая ценность** диссертационного сочинения. В исследовании заявлен когнитивный подход к изучению семантики, в соответствии с которым концептуальные поля понятий ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治 включают семантическое и ассоциативно-вербальное поля. Семантическое поле каждого из концептов моделируется на основе лексикографического анализа, ассоциативно-вербальное – на основе полученных от информантов реакций. Под лексикографическим значением в работе подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных ассоциативного эксперимента, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании.

Достоинством работы является анализ теоретических трудов по лингвокультурологии, политической лингвистике, семасиологии, теории поля, расширение и дополнение признанных научных терминов и дефиниций. Степень **обоснованности научных положений диссертации** достаточно высокая. Автор опирается на исследования не только российских, но и зарубежных учёных — в списке литературы из 253 наименований 51 источник – литература на иностранных языках. Представленная диссертантом модель структуры концептуальных полей «власть», «государство», «политика» учитывает принципы универсально-лингвистического, универсально междисциплинарного и лексикографического подходов к полемому моделированию и позволяет систематизировать и описать семантический потенциал данных языковых единиц. Однако в теоретической главе работы хотелось видеть более четкое разделение понятий «концептуальное поле», «семантическое поле», «ассоциативно-вербальное поле». В тексте диссертации эти термины часто используются как взаимозаменяемые. Кроме того, на мой взгляд, полезно было бы: 1) более подробно изложить основные положения теории концептов (или же объяснить, почему в работе избегается частое использование терминов «концепт», «языковая картина мира»); 2) пояснить, что является единицей внутреннего лексикона человека? (Ср., А.А. Залевская трактует внутренний лексикон как систему многократно пересекающихся объемных ассоциативных полей); 3) на стр.30 диссертант вслед за А.П.Чудиновым выделяет и характеризует три этапа развития политической лингвистики: 1920–1930-е годы, 1930–1940-е годы, 1950–1980-е годы. На каком этапе развития находится политическая лингвистика в России и Японии сегодня? Ответы на эти вопросы в теоретической главе украсили бы работу, позволили шире взглянуть на результаты экспериментального исследования, к описанию достоинств которого я перехожу.

Материалом лексикографического исследования послужили данные, полученные с помощью изучения около 200 словарных статей шести лексем, собранных в словарях русского и японского языков. Правда, не совсем понятно, сколько именно словарей использовал автор. На стр. 6 и стр. 40 диссертации речь идет о 32 словарях, на стр. 11 и стр. 152-156 – их уже 43.

Кроме того, в ходе работы со словарями интересно было бы провести этимологический анализ слов «власть», «государство», «политика», выяснить, какая из изучаемых лексем раньше появилась в русском и японском языках.

Крайне перспективным для дальнейшего изучения мне представляется **материал ассоциативного эксперимента** (четвертая глава диссертации и два приложения) – реакции, полученные от 52 русских и 52 японских информантов с помощью анкет, собранных через интернет-опрос. Обе выборки сбалансированы по гендеру и возрасту (первая группа участников – 17–35 лет, вторая – 36 лет и старше). Однако в тексте работы нет сведений о социальном статусе, профессиональной принадлежности, образовании участников эксперимента, степени их вовлеченности в политическую сферу жизни общества – факторах, которые, несомненно, могли повлиять на результаты ассоциативного эксперимента. Кроме того, в описании экспериментального дизайна отсутствуют данные о том, был ли порядок предъявления стимульных слов «государство», «политика», «власть» рандомным, или все информанты получали стимулы в одном и том же порядке следования.

Отдельно следует отметить **объем** проанализированного материала – 1436 ассоциативных реакций к шести исследуемым лексемам ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治. Ассоциативные поля диссертант подразделяет на семантические группы, выделение которых проводит с помощью метода семной интерпретации результатов. Данный метод заключается в формулировке значения ассоциатов как системы значений семантических компонентов, составляющих семантическую структуру слова стимула. Анализ данных ассоциативного эксперимента позволил Юлии Владимировне определить специфику восприятия и распределения актуальных смыслов по частоте их использования в семантической модели каждой из изучаемых единиц и выявить общее и специфическое в значении этих лексем.

Ряд выводов, полученных при экспериментальном изучении семантических полей лексем ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治, имеют безусловную **теоретическую значимость**. Работа вносит вклад в современную концептологию, а самое главное, формирует и развивает одно из важных направлений социолингвистики – политическую лингвистику. Теоретическая значимость видится также в дальнейшем развитии теории концептов и их моделирования. Кроме того, мне представляется принципиально важным отметить следующее: материал эксперимента, который провела Юлия Владимировна, можно использовать для изучения и сопоставительного анализа механизма ассоциирования в двух типологически разных языках. В качестве стимулов в свободном ассоциативном эксперименте использовались русские слова, содержащие

одну корневую морфему (см. словообразовательный словарь А.Н.Тихонова). Именно эта корневая морфема запускает механизм ассоциирования, именно на ее план содержания опираются русские информанты, когда в ответ на стимул выдают парадигматические (*власть – властный*) и тематические (*власть – порядок*) реакции. В японском языке стимулы 国家, 権力, 政治 представлены двусложными языковыми единицами. Интересно было бы сравнить, какое количество ответов респондентов представляет собой ассоциаты с первой частью идеограммы, какое – со второй, какие ответы – реакция на весь иероглиф целиком, то есть обусловлены ли ответы японских респондентов иероглификой – характерным проявлением этнической особенности японских лексем. Не менее интересным представляется ответ на вопрос: будет ли прослеживаться разница в количестве синтагматических реакций (например, *Хорошего человека во власть – реакция информанта Б16 на стимул власть; власть – менять, государство – хорошее – реакции информанта Б11*) и фонетических реакций (*власть – всласть*) у русских и японцев? Хочу еще раз подчеркнуть, что полученный Юлией Владимировной материал можно использовать не только для дальнейшего изучения состава концептов ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治 как частей русской и японской концептуальной картины мира, но и для моделирования механизма ассоциирования и выявления факторов, влияющих на этот процесс, в русском и японском языках.

Результаты, полученные автором, имеют также **практическую значимость** и определяются тем, что предложенная модель анализа концепта и подход к моделированию концептуального поля применимы для лингвистического описания других концептов и моделирования других концептуальных полей. Полученные результаты могут быть учтены при разработке языковой политики и при оценке настроений по отношению к власти, политике, государству в обществе. Результаты исследования могут быть использованы при составлении словарей (идеографических, ассоциативных, лингвострановедческих, словарей сочетаемости слов). Работа Юлии Владимировны очередной раз убедительно доказывает, что при составлении словарей необходимо учитывать данные психолингвистических экспериментов. Кроме того, материал Приложения Б (ответы японских информантов) могут и, на мой взгляд, должны быть включены в словарь ассоциативных норм японского языка, ссылка на который, к сожалению, отсутствует в диссертации. Ассоциативные нормы японского языка исследовала Т. Джойс в своём труде «Разработка ассоциативных данных базового вокабуляра японского языка» (*Joyce T. Building a word association database for basic Japanese vocabulary. Poster session presented at The 3rd Annual Meeting of the Japanese Society for Cognitive Psychology, 28-29 May, Kanazawa University, Kanazawa, Japan, 2005*). В качестве пожелания автору хотелось бы попросить выложить данные ассоциативного эксперимента в открытый доступ.

Достоверность результатов исследования обусловлена теоретико-методологической обоснованностью исходных положений, использованием методов и приемов экспериментального исследования, адекватных поставленным задачам, непротиворечивостью выводов, полученных диссертантом.

Автореферат диссертации отражает научную логику исследования и содержит основные теоретические и практические выводы автора. Полученные результаты исследования Ю.В. Ждановой отражены в семи публикациях автора, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, включённых в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Многоаспектное междисциплинарное исследование не могло не вызвать некоторые вопросы и замечания.

- 1) В работе, направленной на изучение ассоциативно-вербальных полей слов «власть», «политика», «государство» почему-то не представлены данные ассоциативных словарей (САНРЯ, РАС, СИБАС). Мне представляется целесообразным проследить, изменилось ли со временем представление русских об этих важнейших понятиях политического лексикона, то есть сравнить данные «свежего» ассоциативного эксперимента с содержанием словарных статей словаря А.А.Леонтьева (1977 г.), Русского ассоциативного словаря под ред. Ю.Н.Караулова (2002 г.), Русской региональной ассоциативной базой данных: Сибирь и Дальний Восток (2008-2023 гг.), в которой, замечу, отсутствует одна из изучаемых в диссертации лексем. Кроме того, интересно было бы проверить, входят ли изучаемые слова в список единиц японского ассоциативного словаря, а также проверить частоту встречаемости изучаемых лексем в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и в Сбалансированном корпусе письменного японского языка (<https://clrd.ninjal.ac.jp/bccwj/en/>), сопоставить результаты лексикографического исследования и ассоциативного эксперимента с корпусными данными.
- 2) В ходе исследования диссертанту удалось разложить ассоциативные поля всех шести исследуемых лексем на: «обобщенное представление», «аппарат», «атрибуты», «сферы деятельности», «положительная характеристика», «отрицательная характеристика». На мой взгляд, присутствует определенная степень субъективности при выделении семантических компонентов, ядерной и предъядерной зон, а также при определении наибольшего пересечения полей и микрополей всех шести лексем. Так, например, я не согласна с проведением границы между ядерной и предъядерной зоной на стр. 102 работы. Кроме того, требует пояснения фраза на стр.125: «Общий вес ядра тематических групп в русском языке составляет 125,6%, в японском языке – 102,0%. Русский вариант ядра весомее, чем японский».

- 3) В работе проводится моделирование ассоциативно-вербальных полей «государство», «политика», «власть» от ядра к периферии, выделяется ядерная, предъядерная и периферийная зоны. Однако наиболее частотные ассоциаты, названные респондентами, для каждой из тематических групп и семантических компонентов в работе не представлены. Между тем, интересно было бы определить именно ассоциативное ядро для каждого из изучаемых концептов, выяснить, различается ли объем ядер (количество слов, входящих в ядро или центр поля) у русских и японцев, у мужчин и женщин, у молодых и пожилых людей, кроме того – сопоставить количественные и качественные характеристики ассоциативных ядер для лексем «государство», «политика», «власть» для русского и японского языков. Не менее интересным было бы проследить вхождение одного и того же слова-реакции в разные ассоциативные поля и ассоциативные ядра. Тем самым, мне кажется, удалось бы «подсветить», чем именно выражено то или иное отношение к власти/политике/государству у русских и японцев. Приведу пример: слово-реакция «коррупция» встречается всего четыре раза в ответах русских женщин и три раза в ответах русских мужчин, в ответах японцев этот показатель значительно выше (восемь и шесть соответственно). Значит ли это, что в сознании носителей русского языка власть представляется менее коррумпированной структурой, чем в сознании японцев? Какие реакции на стимул «власть» вошли в тематическую группу «Отрицательная характеристика» у русских и японцев, за счет каких реакций эта группа попадает в ядерную зону ассоциативно-вербального поля у тех и других респондентов?
- 4) На защиту выносятся девять положений, часть из которых необходимо переформулировать или перенести в другие разделы диссертации. Обращаю на это внимание членов Диссертационного совета.

Необходимо отметить, что вопросы, сформулированные выше, провоцируются, главным образом, сложностью изучаемой проблемы и не вполне сложившимся понятийным аппаратом политической лингвистики, в русле которой работает диссертант. Они никоим образом не мешают признать, что по объему проведенной экспериментальной работы и разносторонности полученных результатов диссертационное сочинение Юлии Владимировны может оцениваться как научно обоснованное, самостоятельное, оригинальное и вполне законченное исследование, задачи которого выполнены полностью. Обсуждаемая работа выполнена на высоком профессиональном уровне и полностью отвечает требованиям, предъявляемым к жанру диссертационных исследований.

Диссертационная работа Ждановой Юлии Владимировны «Политическая лексика в словаре и экспериментальном исследовании (на материале лексем ГОСУДАРСТВО / 国家, ВЛАСТЬ / 権力, ПОЛИТИКА / 政治 в русском и японском языках)» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент –

Алексеева-Нилова Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук

по специальности 10.02.19. Теория языка

доцент,

доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук

«2» декабря 2024 г.

Сведения об организации:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Рабочий телефон: +79218776117

E-mail: t.alekseeva-nilova@spbu.ru

Я, Алексеева-Нилова Татьяна Евгеньевна, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

ПОДПИСЬ РУКИ

Алексеевой-Ниловой Татьяны Евгеньевны

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА

УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

М.С. ЗУБОВА

04.12.2024

